

А.Б. Галкин

Плюшкин

ПЛЮШКИН — персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Литературные источники образа Плюшкина — образы скупцов у Плавта, Ж.-Б. Мольера, Шейлок У. Шекспира, Гобсек О. Бальзака, Барон А. Пушкина, также, очевидно, князь Рамирский из романа Д. Бегичева «Семейство Холмских», Мельмот-старший из романа Ч.Р. Метьюрина «Мельмот-скиталец», барон Балдуин Фюренгоф из романа И. Лажечникова «Последний новик». Жизненным прототипом образа Плюшкина, вероятно, явился историк М. Погодин. Гоголь начал писать главу о Плюшкине в подмосковном доме Погодина, славившегося своей скупостью; дом Погодина был окружен садом, послужившим прообразом сада Плюшкина (Ср. воспоминания А. Фета: «в кабинете Погодина <...> невообразимый хаос. Тут всевозможные старинные книги лежали грудями на полу <...>, не говоря о сотнях рукописей с начатыми работами, места которых, равно как и ассигнаций, запрятанных по разным книгам, знал только Погодин».) Предшественник Плюшкина у Гоголя — образ Петромихали («Портрет»).

Фамилия Плюшкин — парадоксальная метафора, в которой заложено самоотрицание: плюшка — символ довольства, радостного пиршества, веселого избытка — противопоставлена угрюмому, дряхлому, бесчувственному, безрадостному существованию Плюшкина. Образ заплесневелого сухаря, оставшегося от кулича, привезенного дочерью Плюшкина, тождествен метафорическому смыслу его фамилии. Портрет Плюшкина создается с помощью гиперболических деталей: Плюшкин предстает бесполом существом, скорее бабой («Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот, на голове колпак...»), Чичиков принимает Плюшкина за ключницу, так как на поясе у Плюшкина ключи, и он бранит мужика «довольно поносными словами»; «маленькие глазки еще не потухли и бегали <...> как мыши»; «один подбородок только выступал очень далеко вперед, так, что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать». На засаленном и замасленном халате «вместо двух болталось четыре полы» (характерное для Гоголя комическое удвоение); спина, запачканная мукой, «с большой прорехою пониже». Образ-фикция (прореха, дырка) становится нарицательным обозначением общечеловеческого типа скупца: Плюшкин — «прореха на человечестве».

Предметный мир вокруг Плюшкина свидетельствует о гнилости, тлении, умирании, упадке. Хозяйственность Коробочки и практическая расчетливость Собакевича у Плюшкина превращается в противоположность — «в гниль и прореху» («клади и стоги обращались в чистый навоз, мука <...> в камень; сукна и холсты — в пыль»). В хозяйстве Плюшкина по-прежнему сохраняется грандиозный размах: громадные кладовые, амбары, сушилы с холстами, сукнами, овчинами, сушеной рыбой, овощами. Однако хлеб гниет в кладовых, зеленая плесень покрывает ограды и ворота, бревенчатая мостовая ходит, «как фортепьянные клавиши», кругом ветхие крестьянские избы, где «многие крыши сквозят, как решето», две сельские церкви опустели. Дом Плюшкина — аналог средневекового замка скупца из готического романа («Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок...»); в нем сплошь щели, все окна, кроме двух «подслеповатых», за которыми обитает Плюшкин, забиты. Символ «богатырской» скупости Плюшкина, стяжательства, доведенного до крайнего предела, — замок-исполин в железной петле на главных воротах дома Плюшкина. Образ сада Плюшкина, по которому прошелся резец природы, сделав его прекрасным садом, контрастирует с образом «дряхлого замка» (адам) и является прообразом обращения Плюшкина — мысли Гоголя воскресить Плюшкина из мертвых в 3-м томе поэмы, намекая на «райский сад». С другой стороны, в описании сада Плюшкина имеются метафоры с элементами реального портрета Плюшкина («густая

щетина» «седого чапыжника»), а «запущенный участок сада выступает как своеобразная эмблема человека, оставившего без ухода свое “душевное хозяйство”, по выражению Гоголя» (Е. Смирнова). Углубление сада, «зиявшее, как темная пасть», также напоминает об аде для тех, у кого душа заживо умирает, что происходит с Плюшкиным.

Из рачительного, образцового хозяина, у которого размеренным ходом «двигались мельницы, валяльни, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни», Плюшкин трансформируется в паука. Сначала Плюшкин — «трудолюбивый паук», хлопотливо бегающий «по всем концам своей хозяйственной паутины», он славится хлебосольством и мудростью, милостивыми дочками и сыном, разбитым мальчишкой, целующимся со всеми подряд. (Ср. с Ноздревым, символически Ноздрев — сын Плюшкина, пускающий его богатства по ветру.) После смерти жены старшая дочь убегает со штаб-ротмистром — Плюшкин посылает ей проклятие; сыну, ставшему военным и нарушившему волю отца, Плюшкин отказывает в средствах и тоже проклинает; покупщики, не в силах торговаться с Плюшкиным, перестают покупать у него товар. «Паучья» сущность Плюшкина эволюционирует. Вещи Плюшкина ветшают, время останавливается, в комнатах Плюшкина застывает вечный хаос: «Казалось, как будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул, и рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину». Определенная метонимия образа Плюшкина, отделившаяся от него, как душа от мертвого тела, — поношенный колпак на столе. Предметы сжимаются, усыхают, желтеют: лимон «ростом не более лесного ореха», два пера, «высохшие, как в чахотке», «зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов». Пыльная куча в углу, куда Плюшкин тащит всякую дрянь: найденную щепку, старую подошву, железный гвоздь, глиняный черепок, краденное у зазевавшейся бабы ведро — символизирует полную деградацию всего человеческого в Плюшкине. В противоположность пушкинскому Барону Плюшкин изображен не в окружении груды червонцев, а на фоне тления, уничтожившего его богатства. «Скупость Плюшкин — это как бы обратная сторона его отпадения от людей...» (Е. Смирнова). Умственные способности Плюшкина тоже приходят в упадок, сводятся к подозрительности, ничтожной мелочности: дворовых он считает ворами и мошенниками; составляя список «мертвых душ» на четвертке листка, сокрушается, что нельзя отделить еще осьмушку, «лепя скупостроку на строку». В восторге от глупости Чичикова, Плюшкин вспоминает о гостеприимстве и предлагает Чичикову графинчик ликерчика «в пыли, как в фуфайке» и сухарь из кулича, с которого прежде приказывает соскоблить плесень и снести крохи в курятник.

Бюро Плюшкина, куда он погрывает деньги Чичикова, символизирует гроб, где в глубине косной материи похоронена его душа, духовное сокровище, умершее от стяжательства (ср. евангельскую притчу о таланте, зарытом в землю).

Выдающиеся исполнители роли Плюшкина в инсценировках и экранизациях поэмы — Л. Леонидов (МХАТ, 1932) и И. Смоктуновский (1984). Казусом художественной судьбы этого образа явился тот факт, что в опере Р. Щедрина «Мертвые души» (1977) партия Плюшкина была предназначена для певицы (меццо-сопрано).